

Сигал К. Я. Пунктуационные ошибки взрослых носителей русского языка с точки зрения психолингвистики (на материале пунктограммы «Тире между подлежащим и сказуемым») / К. Я. Сигал // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 90—111. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-90-111.

Seagal, K. Ya. (2023). Punctuation Errors of Adult Native Russian Speakers and Psycholinguistics (Dash between Subject and Predicate). *Nauchnyi dialog*, 12(1): 90-111. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-90-111. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-90-111

**Пунктуационные ошибки
взрослых носителей
русского языка с точки
зрения психолингвистики
(на материале
пунктограммы
«Тире между подлежащим
и сказуемым»)**

Сигал Кирилл Яковлевич
orcid.org/0000-0001-9400-4587
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник,
отдел экспериментальных
исследований речи
kjseagal@yandex.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

**Punctuation Errors
of Adult Native
Russian Speakers
and Psycholinguistics
(Dash between
Subject and Predicate)**

Kirill Ya. Seagal
orcid.org/0000-0001-9400-4587
Doctor of Philology,
Chief Researcher
Department of Experimental
Speech Research
kjseagal@yandex.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

© Сигал К. Я., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается проблема психолингвистической интерпретации (с позиции пишущего) пунктуационных ошибок. Материалом для исследования послужили пунктуационные ошибки по пунктограмме «Тире между подлежащим и сказуемым» и их объяснения, полученные от взрослых испытуемых (от 22 до 30 лет) в рамках «естественного» эксперимента. Актуальность исследования состоит, во-первых, в психолингвистическом «повороте» изучения пунктуационных ошибок; во-вторых, в разработке представления о пунктуации как об особом компоненте в порождении письменного высказывания. Показано, что пунктуационные ошибки, связанные с пропуском тире или с постановкой вместо него запятой в позиции между номинативным / инфинитивным подлежащим и сказуемым с нулевой связкой, преимущественно обусловлены сверхгенерализацией модельных условий применения тире. Автор разъясняет, что пунктуационный компонент создается пунктуационными навыками, приобретенными в процессе обучения, и представляет собой систему речевых действий (и операций), позволяющих употреблять пунктограмму или знак препинания соответственно норме, узусу и намерениям пишущего. Анализ пунктуационных ошибок приводит к выводу о том, что пунктуационный компонент, с одной стороны, распределен между поздними фазами внутренней речи и внешней речью, а с другой стороны, принадлежит не только модели порождения отдельного письменного высказывания, но и модели порождения письменного текста.

Ключевые слова:

психолингвистика; пунктуация; пунктограмма; пунктуационная ошибка; пунктуационный компонент в порождении письменного высказывания; естественный эксперимент.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The problem of psycholinguistic interpretation (from the point of view of the writer) of punctuation errors is considered. The material for the study was punctuation errors in the punctogram “Dash between the subject and the predicate” and their explanations obtained from adult subjects (from 22 to 30 years old) as part of a “natural” experiment. The relevance of the study lies, firstly, in the psycholinguistic “turn” in the study of punctuation errors; secondly, in the development of the concept of punctuation as a special component in the generation of a written utterance. It is shown that punctuation errors associated with the omission of a dash or with the use of a comma instead of it in the position between the nominative / infinitive subject and the predicate with a zero copula are mainly due to the overgeneralization of the model conditions for the use of a dash. The author explains that the punctuation component is created by punctuation skills acquired in the learning process and is a system of speech actions (and operations) that allow using a punctogram or a punctuation mark in accordance with the norm, usage and intentions of the writer. The analysis of punctuation errors comes to the conclusion that the punctuation component, on the one hand, is distributed between the late phases of inner speech and external speech, and on the other hand, belongs not only to the model of generating a separate written utterance, but also to the model of generating a written text.

Key words:

psycholinguistics; punctuation; punctogram; punctuation error; punctuation component in the generation of a written utterance; natural experiment.

Пунктуационные ошибки взрослых носителей русского языка с точки зрения психолингвистики (на материале пунктограммы «Тире между подлежащим и сказуемым»)

© Сигал К. Я., 2023

Памяти профессора Валентины Николаевны Светлышевой

*Speech error, the window of human mind,
is open for <...> further research
on the part of the erring human beings.*

Yang Wei

1. Введение = Introduction

Как известно, пунктуационные (и в целом речевые) ошибки, состоящие в «отклонении от правил» и «нарушающие ожидания грамотных взрослых носителей языка» [Ferris, 2011, p. 3], в наши дни исследуются в рамках лингводидактики, психолингвистики и даже особой «лингвистики грамотности» (ср. [The linguistics of literacy, 1992]). В начале XXI века, по мнению А. А. Залевской, «произошел переход от рассмотрения речевой ошибки в чисто прикладных целях (прежде всего — при обучении языку) к ее теоретическому осмыслению и объяснению не только механизмов и причин самой ошибки, но и работы речевого механизма в целом» [Залевская, 2009, с. 6]. При этом по отношению к пунктуационным ошибкам необходимо констатировать несоответствие между их эмпирической массой и коммуникативной значимостью, с одной стороны, и степенью освещенности психолингвистического механизма пунктуационного маркирования при порождении письменного высказывания, с другой.

Согласно современным исследованиям, среди ошибок, отмечаемых в письменных творческих работах студентов, пунктуационные ошибки составляют более 60 % [Красиков, 1984, с. 94]. Вместе с тем М. Файоль в эксперименте приходит к выводу о том, что «“плохо” оформленные в пунктуационном отношении тексты требуют, по крайней мере на определенном этапе развития, более длительного времени чтения» [Fayol, 1989, p. 37] (ср. также [Хакимова, 2011, с. 274]). Иначе говоря, коммуникативная себестоимость пунктуационной ошибки может быть довольно высока. Однако, как полагает К. Крейг, пунктуационные ошибки исследуются мало потому, что

«большинство людей считают эту тему либо скучной, либо неважной (either boring or unimportant)» [Craig, 1977, p. 206]. По этой причине до сих пор изучение пунктуационных ошибок (преимущественно в рамках лингводидактики [Никеров, 1985]) остается «вещью в себе»: во многом не удалось понять, что именно в речевой деятельности пишущего приводит к той или иной пунктуационной ошибке и как вообще «работает» пунктуация при порождении письменного высказывания.

Цель настоящей статьи — психолингвистическая интерпретация (с позиции пишущего) пунктуационных ошибок, допущенных взрослыми носителями русского языка в ходе «естественного» эксперимента, материалом для которого послужили предложения, имеющие пунктуационную позицию для постановки тире между подлежащим и сказуемым.

Актуальность статьи заключается, во-первых, в психолингвистическом «повороте» исследования пунктуационных ошибок, тем более применительно к взрослым, с их сформированными пунктуационными навыками и привычками; во-вторых, в обращении к методу эксперимента для раскрытия психолингвистических причин тех пунктуационных ошибок, которые допускают пишущие при оперировании одной и той же пунктограммой; в-третьих, в установлении роли пунктуационной ошибки, рассмотренной с точки зрения речевой деятельности пишущих, в выработке представлений о пунктуации (точнее — о пунктуационном маркировании) как об особом компоненте в порождении письменного высказывания.

Научная новизна статьи состоит в том, что в ней, во-первых, применен психолингвистический подход к пунктуационным ошибкам, а во-вторых, описана специфика функционирования пунктуации при порождении письменного высказывания.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В качестве материала для исследования пунктуационных ошибок было бы разумно сосредоточиться не на том или ином знаке препинания, в разных пунктуационных позициях выполняющем разные функции, а на так называемой пунктограмме. За термином *пунктограмма*, впервые использованным В. А. Добромысловым в начале 1940-х годов, закрепилось понятие знака или знаков препинания, «обслуживающих одно синтаксическое явление» [Григорян, 1982, с. 4, 11]. «Словесное выражение пунктограммы, — отмечает Г. И. Блинов, — обычно включает название пунктуационного знака и наименование синтаксической единицы, для оформления которой он употребляется» [Блинов, 1990, с. 11]. Пунктограмма «Тире между подлежащим и сказуемым» представляет собой конкретный материал, исследуемый в статье. Обращение к названной пунктограмме вызвано тем,

что, с одной стороны, эта пунктограмма связана с наиболее устойчивым в письменно-речевой практике структурно-синтаксическим принципом пунктуации, а с другой стороны, пунктуационные ошибки, согласно наблюдениям лингводидактов, здесь «сравнительно редки» [Там же, с. 57]. Для эксперимента были взяты 7 разных по синтаксической структуре афористических высказываний, в которых находит реализацию данная пунктограмма. Среди них — нравственные сентенции, принадлежащие как русским, так и зарубежным авторам. В данном случае допустимость смешения исконных текстов и переводов обусловлена единообразием реализации пунктограммы «Тире между подлежащим и сказуемым».

Для получения материала и — частично — для психолингвистической интерпретации (с позиции пишущего) пунктуационных ошибок был применен метод «естественного» эксперимента, благодаря которому совмещается «произвольное вмешательство в психическую жизнь человека <...> с сравнительно простой и естественной обстановкой опыта» [Лазурский, 1925, с. 43]. Участвуя в «естественном» эксперименте, испытуемый «не должен подозревать, что над ним производятся опыты. Благодаря этому отпадает смущение и <...> преднамеренность ответов» [Там же, с. 44]. При работе со взрослыми «естественность» эксперимента может быть обеспечена на занятиях по русскому языку в процессе получения второго образования. Наш эксперимент был проведен в октябре 2014 года с 26 взрослыми носителями русского языка (девушками от 22 до 30 лет), получавшими второе образование на очно-заочном отделении Колледжа МИД РФ. По своему первому образованию участники эксперимента (инженеры, менеджеры, экономисты и др.) не были связаны с русским языком как специальностью. На одном из занятий под диктовку на отдельных листочках были записаны 7 афористических высказываний, имеющих пунктуационную позицию для постановки тире между подлежащим и сказуемым; на следующем занятии (через неделю) испытуемых попросили просмотреть свои работы и объяснить допущенные пунктуационные ошибки. Существенно, что соответствующий пунктуационный материал предварительно не повторялся. Подобные диктовки с последующими объяснениями ошибок проводились постоянно, причем оценки за это не ставились. Благодаря привычности такого рода учебной деятельности, не влияющей к тому же на оценку, возникает эффект «естественного» эксперимента. Важно подчеркнуть, что, по условиям «естественного» эксперимента, испытуемые не знали о том, что они являются участниками экспериментального исследования. Именно поэтому все пунктуационные реакции и объяснения пунктуационных ошибок, полученные от них, подаются здесь в неавторизованном виде.

Пунктуационные ошибки взрослых практически не изучались в современной лингвистике. Однако О. Йокояма на материале крестьянских писем конца XIX века установила, что у взрослых, даже обучавшихся пунктуации, может происходить потеря пунктуационных навыков либо переориентация пунктуационного маркирования исключительно на интонационный принцип [Йокояма, 2005, с. 633—634]. Подступы к психолингвистической интерпретации речевых ошибок осуществлялись обычно безотносительно к ошибкам пунктуационным. Тем не менее весьма ценен тезис А. А. Леонтьева о том, что «речевые ошибки — явления, различающиеся своим генезисом, но являющиеся признаком неадекватности речевого действия по тем или иным параметрам, обуславливающим это речевое действие» [Леонтьев, 1970, с. 78]. Представляется, что для психолингвистической интерпретации пунктуационных ошибок существенно соотношение их с речевыми действиями (и даже операциями), в чем-то неадекватными по своей пунктуационной реализации. По мнению Ю. В. Красикова, в речевой ошибке запечатлевается «нарушение соответствия между эталоном и реализацией на том или ином уровне порождения» [Красиков, 1980, с. 109]. По отношению к пунктуационным ошибкам это означает не что иное, как наличие в программе высказывания, реализуемого в письменном регистре, особых эталонов пунктуационного маркирования (например, эталонов оформления тех или иных пунктуационных позиций), отход от которых приводит к ошибкам в употреблении знаков препинания. В русле психолингвистического осмысления пунктуационных ошибок целесообразно учитывать, что нарушаемые в них пунктуационные нормы «в аспекте “функционирования” <...> выступают как “данные в языке”, то есть как заданные свойствами функционирующей системы» [Шварцкопф, 1988, с. 137]. Отсюда следует, что пунктуация является неотъемлемым компонентом порождения письменного высказывания, что наличие пунктуационного оформления необходимо в графической «упаковке» высказывания и, наконец, что в пунктуационных ошибках объективируются разного рода «сбои», возникающие при развертке письменного высказывания.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Пунктуационные ошибки в свете современных научных представлений

Современные научные представления о пунктуационных ошибках сложились в рамках лингводидактики, исследующей процесс овладения (и отчасти — само владение) пунктуацией детьми школьного возраста и разрабатывающей приемы управления этим процессом. Однако, как показывают многолетние наблюдения над пунктуационными ошибками взрос-

лых, добытые в лингводидактике сведения о пунктуационных ошибках школьников носят универсальный характер. Эти сведения касаются природы пунктуационных ошибок, причин их возникновения и их типологии.

Существует тенденция трактовать пунктуационные ошибки как чисто оформительские, почти не зависящие от порождения конкретного письменного высказывания и от стремления пишущего соблюдать / нарушать конвенции маркирования тех или иных пунктуационных позиций. Так, например, К. Джеймс, рассматривая такие пунктуационные ошибки в английской письменной речи, как «чрезмерное включение запятой между антецедентом и ограничительной относительной клаузой: *I know a man*, who fought in the Boer War* ‘Я знаю человека, который сражался в англо-бурской войне’», называет их «механическими ошибками (‘mechanical’ errors)» [James, 1998, p. 130—131]. Такой взгляд на природу пунктуационных ошибок неизбежно приводит к неверному их пониманию как «отсутствия простого механического навыка (lack of a simple mechanical skill)» [The linguistics of literacy, 1992, p. 293]. Напротив, пунктуационные ошибки свидетельствуют о том, что пишущий не сумел обозначить конвенциональными средствами пунктуации всех пунктуационных позиций, созданных границами письменного высказывания, его синтаксической структурой, экспрессивной нагрузкой и смысловыми связями с контекстом. Именно поэтому пунктуационные ошибки указывают на то, что пишущий отнесся к расстановке пунктуационных знаков без осознания тех оснований, которыми создаются пунктуационные позиции, и без должного внимания к пунктуационной «акцентировке» письменного высказывания. Кроме того, если бы пунктуационные ошибки были механическими, то пишущие не могли бы намеренно предотвращать их появление в собственной речи. А. Ф. Ломизов приводит любопытный факт: «Чтобы избежать пунктуационных ошибок, учащиеся иногда сознательно (! — К. С.) упрощают, обедняют синтаксический строй своей письменной речи» [Ломизов, 1975, с. 65].

Среди наиболее значимых с точки зрения психолингвистики причин возникновения пунктуационных ошибок следует отметить такие, как «недостаточно глубокие и прочные знания синтаксиса, с которым связаны пунктуационные правила», отставание в «развитии логического мышления», «слабо развитый речевой слух», «постановка знаков препинания не в процессе письма, а после написания текста» [Там же, с. 66—67]. Последняя из этих причин крайне важна потому, что разделение во времени записи текста и расстановки в нем знаков препинания делает невозможным формирование пунктуационного навыка [Никеров, 1985, с. 22]. При экспериментальном исследовании пунктуационных ошибок стоит иметь в виду,

что «одна и та же ошибка у разных учащихся может появиться в результате разных причин» [Ломизов, 1975, с. 74].

Изначально типы пунктуационных ошибок выделялись для каждой пунктограммы, что препятствовало установлению общих механизмов разных пунктуационных ошибок. В 1980-е годы Л. Т. Григорян предложила типологию пунктуационных ошибок, основанную на результатах тех или иных неадекватных речевых действий в сфере пунктуационного маркирования письменного высказывания. Здесь разграничены четыре типа пунктуационных ошибок: «1) отсутствие нужных знаков препинания; 2) лишние знаки; 3) употребление не того знака, который требуется в данном случае; 4) постановка знака не на том месте, где требуется» [Григорян, 1982, с. 20]. Благодаря данной типологии могут быть обобщены пунктуационные ошибки, допущенные при использовании разных пунктограмм. Так, в частности, в экспериментальном материале, полученном по пунктограмме «Тире между подлежащим и сказуемым», представлены два типа пунктуационных ошибок (согласно типологии Л. Т. Григорян): отсутствие нужного знака препинания («тире») и употребление не того знака, который требуется в данном случае («запятой»). Правда, каждый из этих типов пунктуационных ошибок не имеет здесь единого обоснования.

3.2. Пунктограмма «Тире между подлежащим и сказуемым» и оперирование ею пишущими

Пунктограмма «Тире между подлежащим и сказуемым» связана с рядом грамматических ограничений, приводящих к необходимости графического обозначения границы между подлежащим и сказуемым как особой пунктуационной позиции. Первое ограничение состоит в однотипности словоформ, употребляемых в функции подлежащего и сказуемого (номинатив, инфинитив). Подобный «морфологизм» [Блинов, 1990, с. 54] соблюдается в таких типах двусоставных предложений, как биноминативные и биинфинитивные. Эти предложения обладают семантикой идентифицирующего либо характеризующего тождества. Второе ограничение заключается в опущении связочного компонента в форме настоящего времени. При соблюдении обоих ограничений граница между подлежащим и сказуемым маркируется посредством тире.

Тире в данной пунктуационной позиции получило различную оценку в трудах по русской пунктуации. Так, А. М. Пешковский считал, что это «чисто зрительная, не читающаяся черта, употребляющаяся <...> для обозначения отрицательной связки» [Пешковский, 1922, с. 98]. Однако здесь тире, безусловно, просодически значимо, поскольку оно выражает при чтении вслух предикативную паузу, усиленную за счет нулевой связки. Т. М. Николаева понимала тире как «показатель двучленности выска-

звания, его актуального членения на основу и ядро» [Николаева, 1979, с. 31]. Тем не менее не во всех типах двусоставных предложений разграничение на тему и рему посредством тире является обязательным, тогда как в биоминативных и биинфинитивных предложениях с нулевой связкой, где тире остается также показателем актуального членения, употребление этого знака препинания необходимо (согласно пунктуационной норме [Правила..., 1995, с. 107—108]!). Отсюда следует, что более убедительно полагать: в этой пунктуационной позиции «функция тире — обозначать нулевую словоформу» [Блинов, 1990, с. 53].

Пунктограмма «Тире между подлежащим и сказуемым» является в русской пунктуации национально-специфичной, отражающей одну из характерологических особенностей синтаксического строя русского языка. Й. Вахек впервые отметил, что «в русском языке тире внутри предложения может <...> выполнять функцию связки, которой, как известно, нет в русских предложениях, использующих презенс индикатива. В других письменных языках, особенно с латинской графикой, эта грамматическая функция тире <...> неизвестна» [Vachek, 1989, p. 50]. Показательно, что опытные учителя при объяснении этой пунктограммы уже более полувека назад обращались к приему сопоставления: например, английскому глаголу-связке *is* в предложении *A fable is a story with a moral* соответствует русское тире, восполняющее глагол-связку *есть*, в предложении *Басня — история с моралью* [Рейнке и др., 1971, с. 202—203].

В письменно-речевой практике использование пунктограммы «Тире между подлежащим и сказуемым» является малочастотным. Например, пунктуационный анализ повести А. П. Чехова «Степь» показал, что по отношению к общему количеству пунктограмм внутри простого и сложного предложения доля пунктограммы «Тире между подлежащим и сказуемым» составляет 0,06 % [Блинов, 1970, с. 265]. По-видимому, этот факт объясняется довольно узкой функционально-семантической специализацией предложений, в которых обязательна постановка тире между подлежащим и сказуемым, а именно их участием в разного рода дефинициях, счетных формулах, афористических суждениях, устойчивых выражениях. Несмотря на такое положение дел, взрослые довольно уверенно оперируют пунктограммой «Тире между подлежащим и сказуемым»: правильное пунктуационное маркирование преобладает здесь над неправильным, особенно если речевые реализации предложений по составу незначительно отличаются от их синтаксических моделей (N_1 — N_1 ; Inf — Inf и др.). Обычно пунктуационные ошибки возникают при оперировании пунктограммой «Тире между подлежащим и сказуемым» вследствие сверхгенерализации модельных синтаксических условий применения тире.

Оперирование пунктограммой «Тире между подлежащим и сказуемым» затрудняется отдельными корректирующими правилами, которые не дают пишущим четких указаний. Так, например, в одном и том же биноминативном предложении с нулевой связкой (типа *Моя мать — инженер / Моя мать инженер*) употребление тире ставится в зависимость от того, к какому стилю речи (книжному / разговорному) относится это предложение [Розенталь, 1996, с. 107]. Получается, что при написании автобиографии (как личного документа) тире должно быть поставлено, а при передаче разговорной речи на письме (в повествовании от 1-го лица, в конструкции прямой речи, в диалогической реплике) — нет. При этом за наличием / отсутствием тире здесь не стоит каких-либо просодических различий. Письменно-речевая практика свидетельствует о том, что в предложениях типа *Моя мать — инженер* постановка знака «тире» преобладает в различных контекстно-стилевых условиях. Это происходит по той причине, что пунктограмма «Тире между подлежащим и сказуемым» ориентирована на структурно-синтаксический принцип пунктуации.

Пишущие довольно регулярно оперируют пунктограммой «Тире между подлежащим и сказуемым» в тех случаях, когда в письменном высказывании не создано идеальных, собственно модельных условий представления соответствующей пунктуационной позиции. Например, происходит «совмещение пунктограмм» [Блинов, 1990, с. 56], вызванное интерпозицией обособленного определения или придаточного определительного. Именно поэтому подбор стимульного материала для эксперимента проводился таким образом, чтобы испытуемые столкнулись с различными «помехами» в опознании пунктограммы «Тире между подлежащим и сказуемым». В частности, дозировалось употребление связочных частиц (типа *это, значит*), обеспечивалась повышенная встречаемость интерпозитивных атрибутов разной структуры, а также придаточных местоименно-соотносительных в функции одного из номинативных главных членов предложения.

3.3. Пунктуационные ошибки, связанные с пунктограммой «Тире между подлежащим и сказуемым» (по данным эксперимента)

В результате «естественного» эксперимента на каждый из 7-ми стимулов (афористических высказываний, в структуре которых представлена пунктограмма «Тире между подлежащим и сказуемым») от испытуемых было получено по 26 реакций (общее количество реакций — 182). Перейдем к рассмотрению стимулов (их порядковый номер соответствует последовательности диктовки) и данных на них пунктуационных реакций, уделяя особое внимание пунктуационным ошибкам и их объяснениям, предложенным испытуемыми.

На 1-й стимул *Высшая и самая характерная черта нашего народа — это чувство справедливости и жажда ее* (Ф. М. Достоевский) [ЗЭМ, с. 460] получены 24 (92,3 %) реакции, где перед связочной частицей *это* в биноминативном предложении поставлено тире, и 2 (7,7 %) реакции, где эта же пунктуационная позиция обозначена запятой. При объяснении пунктуационной ошибки испытуемые указали на то, что предпочтение запятой их побудила громоздкость предложения. Немотивированное употребление запятой вместо тире в данной пунктуационной позиции препятствует «отражению» знаком препинания «конструктивно-синтаксического и семантического членения предложения» [Ким, 2019, с. 93].

На 2-й стимул *Человек, объятый сильной страстью, — страшный эгоист* (А. И. Герцен) [ЗЭМ, с. 444] получены 11 (42,3 %) реакций, в которых разделение номинативных подлежащего и сказуемого с нулевой связкой посредством знака «тире» и выделение интерпозитивного обособленного определения посредством двойной запятой приводят к совмещению правого элемента двойной запятой и тире. Пунктуационная норма при совмещении этих двух пунктограмм не допускает поглощения. Однако многие испытуемые поставили в этой пунктуационной позиции либо тире — 8 (30,8 %), не закрыв тем самым интерпозитивное обособленное определение правым элементом двойной запятой; либо запятой — 3 (11,5 %), не разделив номинативные подлежащее и сказуемое с нулевой связкой. В 4-х (15,4 %) реакциях использован только один пунктуационный знак — тире: *Человек объятый сильной страстью — страшный эгоист*. При объяснении здесь подчеркнули информативную недостаточность подлежащего и смысловую дефектность предложения без интерпозитивного атрибута. Ср.: **Человек — страшный эгоист*. Однако в пунктуационном оформлении обособленных определений традиционно во главу угла ставится структурно-синтаксический принцип.

На 3-й стимул *Слово, удержанное тобой, — раб твой; слово, вырвавшееся у тебя, — твой господин* (Х. Ширази) [ЗЭМ, с. 184] получены 10 (38,5 %) реакций с тем же самым пунктуационным маркированием и 9 (34,6 %) реакций, в которых на границе частей бессоюзного сложного предложения поставлена не точка с запятой, а запятая. При объяснении этой пунктуационной ошибки отмечалось, что не было учтено наличие внутренних знаков препинания в частях бессоюзного сложного предложения (причем одинаковых в каждой части). Очевидно, что аналогия в синтаксической организации частей бессоюзного сложного предложения делает более заметным совмещение пунктограмм (ср. с реакциями на 2-й стимул). В 7-ми (26,9 %) реакциях тире поставлено только в первой части: *Слово, удержанное тобой, — раб твой; слово, вырвавшееся у тебя, твой*

господин. По утверждению испытуемых, эта пунктуационная ошибка вызвана сомнениями в том, что разные части бессоюзного сложного предложения могут иметь одинаковое пунктуационное оформление. Здесь не учтено, что постановка тире обязательна «при структурном параллелизме частей предложения» [Розенталь, 1996, с. 107], в особенности «если имеется сопоставление» [Правила..., 2014, с. 181]. Поэтому в данном случае тире выполняет функцию маркера нулевой связки в биноминативных частях и вместе с тем функцию маркера их композиционно-синтаксической организованности (и отчасти — смысловых отношений) в бессоюзном сложном предложении. Такая двуединая функция тире придает этому знаку препинания потенциал в пунктуационном обеспечении текстообразования.

4-й стимул *Воспитывать — значит возвышать ум и характер, значит вести к вершинам* (А. Моруа) [ЗЭМ, с. 559] в синтаксическом плане представляет собой биинфинитивное предложение со связочной частицей *значит*, повторяющейся при однородных инфинитивных сказуемых. На этот стимул получено 20 (76,9 %) реакций, где пунктуационная позиция между подлежащим и однородными сказуемыми маркирована посредством тире, и 6 (23,1 %) реакций, где в этой пунктуационной позиции нет нужного знака препинания. При объяснении пунктуационной ошибки испытуемые указывали на то, что связочная частица *значит* была принята ими за глагол-сказуемое, а предложение в целом было понято как толкование значения слова.

В 5-м стимуле *Идеалист — тот, кто, заметив, что роза пахнет лучшие капуста, заключает, что и суп из нее будет лучше* (Г. Л. Менкен) [ЗЭМ, с. 557] разногласия возникли только в постановке знака препинания в пунктуационной позиции между подлежащим и сказуемым при нулевой связке (ср.: *Идеалист — тот, кто <...> заключает*). Тире было дано в 23 (88,5 %) реакциях, пропущено же — в 3 (11,5 %). В данном случае в роли сказуемого выступает фразовая номинация — придаточное местоименно-соотносительное, относящееся к присвязочному члену — указательному местоимению *тот*. При объяснении пунктуационной ошибки испытуемые говорили о том, что они не сумели понять, какую синтаксическую функцию выполняет здесь придаточное местоименно-соотносительное.

На 6-й стимул *Настоящий признак, по которому можно узнать истинного мудреца, — терпение* (Г. Ибсен) [ЗЭМ, с. 477] получены 13 (50 %) реакций, в которых постановка тире между главными членами биноминативного предложения с нулевой связкой и обособление интерпозитивного придаточного определительного посредством двойной запятой приводят к составному знаку препинания «запятая и тире». В 9 (34,6 %) реакциях отсутствует закрывающий (правый) элемент двойной запятой при наличии тире, тогда

как в 4 (15,4 %) реакциях, наоборот, придаточное определительное выделено запятыми и тире пропущено. Причину этих пунктуационных ошибок испытуемые усмотрели в том, что далеко не всегда при совмещении пунктограмм появляется составной знак препинания. Показательно, что существующая в пунктуационном узусе тенденция отделять запятой / выделять двойной запятой придаточное обусловила отсутствие таких реакций на 6-й стимул, в которых интерпозитивное придаточное определительное было бы не выделено запятыми (ср. 15,4 % подобных реакций на 2-й стимул), хотя инверсивное именное сказуемое само по себе является здесь синсемантическим (ср. трансформ: **Терпение — настоящий признак*).

На 7-й стимул *Самый злой насмешник — кто осмеивает собственные увлечения* (В. О. Ключевский) [ЗЭМ, с. 495] получены 15 (57,7 %) реакций со знаком «тире» и 11 (42,3 %) реакций со знаком «запятая» в пунктуационной позиции между инверсивным сказуемым и подлежащим, выраженным придаточным местоименно-соотносительным (без указательного местоимения *тот*), в биноминативном предложении с нулевой связкой. При объяснении пунктуационной ошибки испытуемые отмечали, что постановку запятой вызвало осмысление всего предложения как сложноподчиненного с придаточным определительным (ср.: *Это самый злой насмешник, кто осмеивает собственные увлечения*). Очевидно, что подобная фразовая номинация, особенно без указательного местоимения *тот*, делает пунктуационную позицию для постановки тире между подлежащим и сказуемым перцептивно менее различимой: вовсе не случайно соотношение правильной («тире») и неправильной («запятая») реакций на 7-й стимул приближается к паритетному.

Результаты эксперимента свидетельствуют о том, что при воспроизведении письменной речи (то есть при диктовке) взрослые довольно успешно осуществляют правилосообразные речевые действия по пунктограмме «Тире между подлежащим и сказуемым» (ср., в частности, 92,3 % безошибочных реакций на 1-й стимул). Причем их пунктуационную зоркость не ослабляют ни выполнение функции одного из главных членов придаточным предложением, ни совмещение пунктограмм, ни другие факторы «помехи». Испытуемые, выдавшие правильные пунктуационные реакции, сообщали о том, что они ориентировались либо на те синтаксические признаки, которые требуют постановки тире между подлежащим и сказуемым, либо на сохранившиеся в памяти школьные образцы типа *Москва — <это> мой город, Жизнь — <значит> Родине служить*. У взрослых высокая доля правильных пунктуационных реакций вызвана синтаксической обусловленностью этой пунктограммы, отражением в знаке препинания («тире») особенностей синтаксической структуры предложения: опытное

знание моделей предложений N_1 — N_1 и Inf — Inf , в формулах которых тире обязательно, способствует их узнаванию и, соответственно, правильному пунктуационному маркированию.

В экспериментальном материале представлены два типа пунктуационных ошибок (по Л. Т. Григорян): отсутствие нужного знака препинания («тире») и употребление не того знака препинания, который необходим в данной пунктуационной позиции («запятая»). Пунктуационные ошибки первого типа возникают вследствие неверного синтаксического анализа простого предложения как такового и простого предложения в составе сложного (при параллелизме строения), при совмещении пунктограмм, а также при осмыслении связочной частицы как полнозначительного слова. Пунктуационные ошибки второго типа связаны с учетом фактора, нерелевантного для данной пунктограммы (ср. громоздкость, отмеченную испытуемыми при объяснении 2-х ошибочных реакций на 1-й стимул), и с восприятием простого предложения как сложного. Несмотря на то, что каждый из двух типов пунктуационных ошибок имеет здесь разные обоснования, стоит отметить, что все пунктуационные ошибки, имеющиеся в экспериментальном материале по пунктограмме «Тире между подлежащим и сказуемым», вызваны прежде всего недостаточной синхронизацией синтаксического анализа и пунктуационного маркирования при воспроизведении письменного высказывания. Именно поэтому в ошибках на одну и ту же пунктограмму отражается неадекватность речевых действий по весьма разным основаниям. Однако у взрослых конкретная ошибка по пунктограмме «Тире между подлежащим и сказуемым» охватывает от 7,7 % (на 1-й стимул) до 42,3 % (на 7-й стимул) реакций. Отсюда следует, что данная пунктограмма и речевые действия, необходимые для оперирования ею, хорошо сохраняются даже у тех испытуемых, которые изучали пунктуацию в школе давно. При этом, как уже было сказано, реализации этой пунктограммы в письменно-речевом узусе представлены весьма скромно.

Показательно, что почти все участники эксперимента охотно объясняли допущенные ими пунктуационные ошибки и что, судя по их словам, выдавая ту или иную пунктуационную реакцию, некоторые из них имели варианты пунктуационного оформления и обдумывали, какой из них предпочесть. Все это означает, что пунктуационная деятельность взрослых осуществляется в сознательном (то есть не в автоматизированном!) режиме, а ее результаты становятся объектом их метаязыковой рефлексии. Существенно, что знак препинания либо его отсутствие как ошибочный маркер определенной пунктуационной позиции обычно осмысливается испытуемыми на основе синтаксической характеристики письменного высказывания и его структурных элементов. При объяснении пунктуационных ошибок

взрослые осуществляли объективацию актов контроля над пунктуационным маркированием. Однако сознательному контролю не может быть подвергнуто то, чего нет в опыте пунктуационной деятельности пишущих: работа с испытуемыми дает основания полагать, что за пунктуационной ошибкой может стоять не только и не столько недостаток контроля со стороны пишущих, сколько недоучет ими разнообразных условий реализации пунктограммы.

3.4. Психолингвистическая интерпретация пунктуационных ошибок (с позиции пишущего)

Психолингвистическая интерпретация пунктуационных ошибок заключается в том, чтобы на основе обнаруженных в «естественном» эксперименте неадекватных речевых действий, стоящих за ошибками по пунктограмме «Тире между подлежащим и сказуемым», разъяснить, как происходит функционирование пунктуации в речевой деятельности пишущего, и, в частности, выдвинуть идею об особом пунктуационном компоненте в порождении письменного высказывания. Основная трудность в данном случае состоит в том, что, с одной стороны, даже наиболее известные в психолингвистике модели порождения высказывания А. А. Леонтьева [Леонтьев, 1969] и В. Й. М. Левелта [Levelt, 1989] обращены к устной речи и поэтому не учитывают процедур пунктуационной «упаковки» высказывания в письменной речи, а с другой стороны, по своей онтологии пунктуационный компонент отличается от других компонентов (в частности, от синтаксического), участвующих в порождении письменного высказывания. Во-первых, пунктуационный компонент формируется при обучении (то есть не возникает самопроизвольно в онтогенезе речи); во-вторых, пунктуационные навыки, создающие пунктуационный компонент как систему речевых действий (и операций), могут утрачиваться с течением времени. Однако, как тонко подметила И. Ю. Абелева, «по своему психологическому статусу письменное высказывание, равно как и устное, — это коммуникативный поступок его автора. И мотивы <...>, и <...> цели, и фазы порождения письменного высказывания те же» [Абелева, 2004, с. 164]. Отсюда следует, что при экстраполяции моделей порождения высказывания А. А. Леонтьева и В. Й. М. Левелта на письменную речь в них может быть найдено место и для пунктуационного компонента. Это подтверждается тем, что пишущие осознают необходимость обращения к пунктуации как таковой и правилосообразного речевого действия в рамках той или иной пунктограммы, представленной в письменном высказывании. Иначе говоря, к пунктуации в полной мере относится утверждение о том, что в письменной речи «средства выражения выступают как основной предмет деятельности» [Лурия, 1998, с. 271].

В модели порождения высказывания А. А. Леонтьева за «программированием грамматико-семантической стороны высказывания» следует «грамматическая реализация высказывания и выбор слов», затем «моторное программирование компонентов высказывания (синтагм)», «выбор звуков» и, наконец, «“выход”» [Леонтьев, 1969, с. 265]. Модель порождения высказывания В. Й. М. Левелта включает в себя концептуализатор (conceptualizer), формулятор (formulator), состоящий из грамматического кодировщика (grammatical encoder), который «создает грамматические отношения, отражающие концептуальные отношения в высказывании», и фонологического кодировщика (phonological encoder), а также артикулятора (articulator), дающего открытую речь (overt speech) [Levelt, 1989, p. 27]. Равно как и А. А. Леонтьев, допускающий при порождении осознание (и даже сознательный контроль) «осмысленных частей» высказывания [Леонтьев, 1969, с. 228], В. Й. М. Левелт включает в свою модель систему понимания речи (speech-comprehension system), «позволяющую говорящему следить (to monitor) за собственным продуцированием речи» [Levelt, 1989, p. 27].

При распространении этих моделей порождения высказывания на письменную речь пунктуационный компонент (по-другому, пунктуационная «упаковка») мог бы быть отнесен к «выходу» у А. А. Леонтьева и — условно — к «артикулятору» у В. Й. М. Левелта, так как пишущий непосредственно использует знаки препинания во внешней речи. Однако пунктуация, а точнее, потребность в обращении к знаку препинания как маркеру конкретной пунктуационной позиции, вступает в дело еще во внутренней речи. По А. А. Леонтьеву, «внутреннее программирование» является «субстратом “актуального членения” предложения» [Леонтьев, 1969, с. 221], а его синтаксический тип также закладывается во внутренней речи — на этапе грамматической реализации. Это означает, что при порождении высказывания, требующего применения пунктограммы «Тире между подлежащим и сказуемым», первый пунктуационный «импульс» возникает еще при внутреннем программировании, когда происходит размежевание темы и ремы, тогда как второй, уточняющий, пунктуационный «импульс» идет от грамматической реализации, где определяется синтаксическая модель предложения (например, $N_1 — N_1$) и ее пунктуационная позиция между подлежащим и сказуемым с нулевой связкой становится доступной сканированию. В рамках модели порождения высказывания В. Й. М. Левелта подобные пунктуационные «импульсы», по-видимому, принадлежат грамматическому кодировщику. Получается, что пунктуационный компонент в модели порождения письменного высказывания не обладает единственной локализацией: с одной стороны, в виде особых «импульсов» к пунктуации он отображен во внутренней речи, но только тогда, когда высказывание получило актуальное

и синтаксическое расчленение; с другой же стороны, конкретными знаками препинания, маркирующими те или иные пунктуационные позиции, он представлен во внешней речи, где высказывание обретает свою графическую (не только пунктуационную!) оформленность.

Важно отметить, что функционирование пунктуации в речевой деятельности пишущего обусловлено не чем иным, как его смысловым намерением, стремлением подчеркнуть смысловые отношения, акцентировать смысловой оттенок. Несмотря на то, что пунктограмма «Тире между подлежащим и сказуемым» основана на структурно-синтаксическом принципе, оперируя ею, пишущий прежде всего нацелен на то, чтобы подчеркнуть отношения тождества (ср. с ошибкой типа *Жить, Родине служить*, где запятой обозначено перечисление и передача отношений тождества, обеспечиваемая знаком «тире», становится невозможной). Более того, в условиях «естественного» эксперимента замечено, что если пишущий не устанавливает в предложении отношений тождества, поддерживаемых к тому же просодически (паузой), то пунктуационная позиция для постановки тире между подлежащим и сказуемым им не опознается. Такой эффект наблюдался при употреблении придаточного местоименно-соотносительного в функции подлежащего или сказуемого (ср. реакции на 5-й и 7-й стимулы), а также связочной частицы, омонимичной финитному глаголу (ср. реакции на 4-й стимул). Это приводило к пунктуационным ошибкам обоих типов: как к пропуску тире (ср. реакции на 4-й и 5-й стимулы), так и к постановке запятой в позиции, предназначенной для тире (ср. реакции на 7-й стимул). Совершенно очевидно, что смысловые отношения первичны для пунктуационного маркирования даже тогда, когда узус (и, главное, норма), как в пунктограмме «Тире между подлежащим и сказуемым», отдает приоритет синтаксической структуре.

Для пунктуационного компонента существенна «грамматическая нецельность высказывания на определенном (достаточно раннем) этапе его порождения», вследствие чего «отдельным компонентам программы соответствуют в основном независимые грамматические конструкции, лишь в дальнейшем вторично организуемые внутри предложения» [Там же, с. 205—206]. Как раз с этой особенностью порождения письменного высказывания в какой-то мере связана такая пунктуационная ошибка, как отсутствие составного знака препинания «запятая (точнее — правый элемент двойной запятой) и тире» при употреблении интерпозитивного обособленного определения (ср. реакции на 2-й стимул) или придаточного определительного (ср. реакции на 6-й стимул) в биноминативных предложениях с нулевой связкой. Действительно, «актуально осознается только очень небольшой отрезок уже фактически порожденного текста <...> Именно этот отрезок подвергается пунктуационной обработке» [Красиков, 1984, с. 99].

Однако, как ни удивительно, данную ошибку допускают еще и потому, что не владеют необходимыми знаниями собственно пунктуационных конвенций, а именно не отличают составного знака «запятая и тире» от цельного, не осведомлены об условиях образования этого составного знака, имеют очень смутные представления о поглощении одного знака препинания другим. Отсюда следует, что ошибка при совмещении пунктограмм может отражать как «сбой» при вторичной организации отдельных компонентов программы (и, соответственно, синтаксической структуры) высказывания, так и нехватку знаний о пунктуации как особой системе. Подобная двойственность объясняется тем, что при порождении письменного высказывания пунктуация в разных своих «ипостасях» проявляется как во внутренней речи — от программирования до грамматической реализации, так и во внешней — при учете конвенций пунктуационной «упаковки».

В пунктуационной деятельности пишущего может оказаться значимым тот факт, что «программа высказывания не “снимается” сразу, а продолжает еще какое-то время — скажем, до окончания порождения следующего высказывания — оставаться фиксированной» [Леонтьев, 1969, с. 190]. Подобное удержание в оперативной памяти одного предложения при определенных условиях может вызвать развертку второго предложения по той же самой программе, причем их пунктуационные позиции окажутся соотносительными. Этими условиями являются, в частности, параллелизм строения и выражение сопоставительных отношений. В подобных структурах пропуск тире во второй части лишает одноименный знак препинания в первой части способности выполнять конструктивно-семантическую функцию, например, в бессюжном сложном предложении (ср. ошибочные реакции на 3-й стимул). Такого рода повторяющееся тире (в отличие, допустим, от двойного тире, выделяющего вставку) в своей двуединой функциональной предназначенности (в частях и, главное, в целой структуре) дает основания полагать, что для объяснения того, как пишущий оперирует пунктограммой «Тире между подлежащим и сказуемым», порой нужно выходить за пределы модели порождения высказывания (простого предложения). Иногда же от пишущего требуется лишь sobлюдения пунктуационную конвенцию: на письме нет нужды менять знак препинания («тире» на «запятую»), если номинативные подлежащее и сказуемое с нулевой связкой представлены группами со сложной синтаксической структурой (ср. ошибочные реакции на 1-й стимул и их объяснение).

4. Заключение = Conclusions

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что благодаря психолингвистическому «повороту» в исследовании пунктуационных ошибок стало

возможным подойти к раскрытию того, как пунктуация участвует в порождении письменного высказывания и как пунктуационная «упаковка» высказывания опосредует взаимодействие синтаксического и пунктуационного компонентов при его порождении. Пунктуационные ошибки, рассмотренные сквозь призму психолингвистики, демонстрируют функциональную неавтономность пунктуации. Именно этот момент позволил установить, что оперирование пунктограммой (в частности, «Тире между подлежащим и сказуемым») является не только и даже не столько графическим действием, сколько действием речевым.

Интерпретация пунктуационных ошибок с точки зрения психолингвистики позволяет считать, что «работа» пунктуационного компонента в порождении письменного высказывания предвращается смысловой задачей пишущего (при том, что та или иная пунктограмма, в том числе «Тире между подлежащим и сказуемым», может быть ориентирована на структурно-синтаксический принцип пунктуации). При моделировании порождения письменного высказывания нужно учитывать, что пунктуационный компонент носит, так сказать, рассредоточенный характер: с одной стороны, потребность в пунктуации возникает еще во внутренней речи, на ее поздних фазах, когда в синтаксическом плане высказывание почти готово к реализации; с другой стороны, средства пунктуации предназначены для внешней речи.

Психолингвистический анализ ошибок, допущенных по пунктограмме «Тире между подлежащим и сказуемым», показывает, что пунктуационное маркирование осуществляется как бы порционно, то есть пунктуационная обработка может не охватывать высказывание как целое. Вследствие этого при недостаточной перцептивной различимости пунктуационной позиции, при совмещении пунктограмм либо при «склеивании» функций знака препинания внутри и в то же время вне предложения пишущий нередко ошибается. Эти пунктуационные ошибки наталкивают на мысль о том, что пунктуационный компонент принадлежит не только модели порождения письменного предложения-высказывания, но и модели порождения письменного текста.

Источники и принятые сокращения

1. ЗЭМ — *Золотая энциклопедия мудрости*. — Москва : РОССА, 2014. — 598 с. — ISBN 978-5-91926-334-0.

Литература

1. Абелева И. Ю. Речь о речи. Коммуникативная система современного человека / И. Ю. Абелева. — Москва : Логос, 2004. — 304 с. — ISBN 5-94010-227-1.
2. Блинов Г. И. К вопросу о частотности употребления пунктуационных правил (анализ пунктуации повести А. П. Чехова «Степь») / Г. И. Блинов // Вопросы истории и теории русского языка. — Тула : ТГПИ им. Л. Н. Толстого, 1970. — С. 264—277.

3. *Блинов Г. И.* Методика изучения пунктуации в школе. 2-е изд. / Г. И. Блинов. — Москва : Просвещение, 1990. — 208 с. — ISBN 5-09-001105-2.
4. *Григорян Л. Т.* Обучение пунктуации в средней школе : (Методическое исследование) / Л. Т. Григорян. — Москва : Педагогика, 1982. — 120 с.
5. *Залевская А. А.* Речевая ошибка как инструмент научного исследования / А. А. Залевская // Вопросы психолингвистики. — 2009. — № 9. — С. 6—22.
6. *Йокояма О. Б.* Знаки препинания в крестьянских письмах конца XIX века / О. Б. Йокояма // Язык. Личность. Текст. Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой. — Москва : Языки славянских культур, 2005. — С. 619—636. — ISBN 5-9551-0103-9.
7. *Ким И. Е.* Теория русской пунктуации : пространство знака и пространство текста / И. Е. Ким. — Новосибирск : НГУ, 2019. — 120 с. — ISBN 978-5-4437-0991-8.
8. *Красиков Ю. В.* Психологические аспекты пунктуационных ошибок студентов-осетин / Ю. В. Красиков // Осетинская филология. Межвузовский сборник статей. — Орджоникидзе : СОГУ им. К. Л. Хетагурова, 1984. — Выпуск III. — С. 93—104.
9. *Красиков Ю. В.* Теория речевых ошибок (на материале ошибок наборщика) / Ю. В. Красиков. — Москва : Наука, 1980. — 124 с.
10. *Лазурский А. Ф.* Психология общая и экспериментальная / А. Ф. Лазурский. — Ленинград : Государственное издательство, 1925. — 290 с.
11. *Леонтьев А. А.* Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному (Психолингвистические очерки) / А. А. Леонтьев. — Москва : МГУ, 1970. — 87 с.
12. *Леонтьев А. А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А. А. Леонтьев. — Москва : Наука, 1969. — 307 с.
13. *Ломизов А. Ф.* Обучение пунктуации в средней школе. (Проблемы методики) / А. Ф. Ломизов. — Москва : Педагогика, 1975. — 160 с.
14. *Лурия А. Р.* Язык и сознание / А. Р. Лурия. — Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. — 416 с. — ISBN 5-222-00265-9.
15. *Никеров А. И.* Предупреждение пунктуационных ошибок учащихся / А. И. Никеров. — Москва : Просвещение, 1985. — 144 с.
16. *Николаева Т. М.* О функциях пунктуационных знаков в русском языке / Т. М. Николаева // Современная русская пунктуация. — Москва : Наука, 1979. — С. 26—35.
17. *Пешковский А. М.* Школьная и научная грамматика. 3-е изд. / А. М. Пешковский. — Берлин : Государственное издательство РСФСР, 1922. — 124 с.
18. *Правила русской орфографии и пунктуации.* — Тула : Автограф, 1995. — 192 с.
19. *Правила русской орфографии и пунктуации : полный академический справочник* / под ред. В. В. Лопатина. — Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2014. — 432 с. — ISBN 978-5-462-00930-3.
20. *Рейнке И. Н.* О трудном в орфографии и пунктуации : Пособие для учащихся / И. Н. Рейнке, В. И. Шапкин. — Ленинград : Просвещение, 1971. — 239 с.
21. *Розенталь Д. Э.* Справочник по орфографии и пунктуации / Д. Э. Розенталь. — Москва : СТОЛЕТИЕ, 1996. — 368 с. — ISBN 5-7459-0077-6.
22. *Хакимова Е. М.* О пунктуационных ошибках в текстах современных российских журналистов / Е. М. Хакимова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. — 2011. — № 24. — С. 274—276.
23. *Шварцкопф Б. С.* Современная русская пунктуация : система и ее функционирование / Б. С. Шварцкопф. — Москва : Наука, 1988. — 192 с. — ISBN 5-02-010873-1.

24. *Craig Ch.* Discourse analysis of punctuation errors / Ch. Craig // *Languages & linguistics : Symposium 1977*. — Brigham : Brigham Young University College of Humanities, 1977. — Pp. 206—209.

25. *Fayol M.* Une approche psycholinguistique de la punctuation. Etude en production et en comprehension / M. Fayol // *Langue française*. — 1989. — № 81. — Pp. 21—39. — DOI: <https://doi.org/10.3406/lfr.1989.4767>.

26. *Ferris D. R.* Treatment of error in second language student writing. 2nd ed. / D. R. Ferris. — Ann Arbor : The University of Michigan Press, 2011. — 219 p. — ISBN 978-0-472-03476-5.

27. *James C.* Errors in language learning and use : exploring error analysis / C. James. — London ; New York : Routledge, 1998. — 304 p. — ISBN 978-0-582-25763-4.

28. *Levelt W. J. M.* Speaking : from intention to articulation / W. J. M. Levelt. — Cambridge : MIT Press, 1989. — 566 p. — ISBN 978-0-262-27822-5.

29. *The linguistics of literacy* / P. Downing, S. D. Lima & M. Noonan (eds.). — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1992. — 334 p. — ISBN 1-55619-406-4.

30. *Vachek J.* Written language revisited / J. Vachek. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1989. — 221 p. — ISBN 90-272-2064-6.

Material resources

The Golden Encyclopedia of Wisdom. (2014). Moscow: ROOSSA. 598 p. ISBN 978-5-91926-334-0. (In Russ.).

References

Abeleva, I. Yu. (2004). *Speech about speech. The communicative system of a modern person*. Moscow: Logos. 304 p. ISBN 5-94010-227-1. (In Russ.).

Blinov, G. I. (1970). On the question of the frequency of punctuation rules (punctuation analysis of the story of A. P. Chekhov “Steppe”). In: *Questions of history and theory of the Russian language*. Tula: TSPI named after L. N. Tolstoy. 264—277. (In Russ.).

Blinov, G. I. (1990). *Methods of studying punctuation at school. 2nd ed.* Moscow: Prosveshchenie. 208 p. ISBN 5-09-001105-2. (In Russ.).

Craig, Ch. (1977). Discourse analysis of punctuation errors. In: *Languages & linguistics: Symposium 1977*. Brigham: Brigham Young University College of Humanities. 206—209.

Fayol, M. (1989). Une approche psycholinguistique de la punctuation. Etude en production et en comprehension. *Langue française*, 81: 21—39. DOI: <https://doi.org/10.3406/lfr.1989.4767>.

Ferris, D. R. (2011). *Treatment of error in second language student writing. 2nd ed.* Ann Arbor: The University of Michigan Press. 219 p. ISBN 978-0-472-03476-5.

Grigoryan, L. T. (1982). *Teaching punctuation in secondary school: (Methodological research)*. Moscow: Pedagogika. 120 p. (In Russ.).

James, C. (1998). *Errors in language learning and use: exploring error analysis*. London; New York: Routledge. 304 p. ISBN 978-0-582-25763-4.

Khakimova, E. M. (2011). On punctuation errors in the texts of modern Russian journalists. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art history*, 24: 274—276. (In Russ.).

Kim, I. E. (2019). *Theory of Russian punctuation: sign space and text space*. Novosibirsk: NSU. 120 p. ISBN 978-5-4437-0991-8. (In Russ.).

Krasikov, Yu. V. (1984). Psychological aspects of punctuation errors of Ossetian students. In: *Ossetian philology. Intercollegiate collection of articles, III*. Ordzhonikidze: K. L. Khetagurov SOGU. 93—104. (In Russ.).

- Krasikov, Yu. V. (1980). *Theory of speech errors (based on typesetter errors)*. Moscow: Nauka. 124 p. (In Russ.).
- Lazursky, A. F. (1925). *Psychology general and experimental*. Leningrad: State Publishing House. 290 p. (In Russ.).
- Leontiev, A. A. (1970). *Some problems of teaching Russian as a foreign language (Psycholinguistic essays)*. Moscow: Moscow State University. 87 p. (In Russ.).
- Leontiev, A. A. (1969). *Psycholinguistic units and generation of speech utterance*. Moscow: Nauka. 307 p. (In Russ.).
- Levelt, W. J. M. (1989). *Speaking: from intention to articulation*. Cambridge: MIT Press. 566 p. ISBN 978-0-262-27822-5.
- Lomizov, A. F. (1975). *Teaching punctuation in secondary school. (Problems of methodology)*. Moscow: Pedagogika. 160 p. (In Russ.).
- Luria, A. R. (1998). *Language and consciousness*. Rostov-on-Don: Phoenix. 416 p. ISBN 5-222-00265-9. (In Russ.).
- Nikerov, A. I. (1985). *Prevention of punctuation errors of pupils*. Moscow: Prosveshchenie. 144 p. (In Russ.).
- Nikolaeva, T. M. (1979). On the functions of punctuation marks in the Russian language. In: *Modern Russian punctuation*. Moscow: Nauka. 26—35. (In Russ.).
- Peshkovsky, A. M. (1922). *School and scientific grammar. 3rd ed.* Berlin: State Publishing House of the RSFSR. 124 p. (In Russ.).
- Reinke, I. N., Shapkin, V. I. (1971). *About the difficult in spelling and punctuation: A manual for pupils*. Leningrad: Prosveshchenie. 239 p. (In Russ.).
- Rosenthal, D. E. (1996). *Handbook of spelling and punctuation*. Moscow: CENTURY. 368 p. ISBN 5-7459-0077-6. (In Russ.).
- Rules of Russian spelling and punctuation*. (1995). Tula: Autograph. 192 p. (In Russ.).
- Rules of Russian spelling and punctuation. Complete Academic Reference*. (2014). Moscow: AST-PRESS BOOK. 432 p. ISBN 978-5-462-00930-3. (In Russ.).
- Schwarzkopf, B. S. (1988). *Modern Russian punctuation: the system and its functioning*. Moscow: Nauka. 192 p. ISBN 5-02-010873-1. (In Russ.).
- The linguistics of literacy*. (1992). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 334 p. ISBN 1-55619-406-4.
- Vachek, J. (1989). *Written language revisited*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 221 p. ISBN 90-272-2064-6.
- Yokoyama, O. B. (2005). Punctuation marks in peasant letters of the late XIX century. In: *Language. Personality. Text. Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of T. M. Nikolaeva*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 619—636. ISBN 5-9551-0103-9. (In Russ.).
- Zalevskaya, A. A. (2009). Speech error as a tool of scientific research. *Questions of psycholinguistics*, 9: 6—22. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 24.09.2022,
одобрена после рецензирования 03.01.2023,
подготовлена к публикации 20.01.2023.